

Любимова Г.В. Иконы в народной религиозной практике сельского населения Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т.ХІ. Ч.ІІ. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. 2005 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 113-117.

Известно, что народная религиозность существенно отличается как от догматического, богословского восприятия религии, так и от канонического, церковного ее воплощения. Вместе с тем, отношение к проблемам народного христианства, и, прежде всего, народного православия, как и к самим понятиям, обозначающим данное явление, в современной науке нельзя признать устоявшимся.

Такие авторитетные исследователи, как М.М. Громыко, выступают категорически против того, чтобы рассматривать различные формы проявления народной веры в качестве «отклонений» от православного канона, считая подобные примеры лишь подтверждением «силы» непосредственного религиозного чувства «необразованного человека». Разделяя приведенную точку зрения в целом, К.В. Цеханская подчеркивает, что более достоверные и плодотворные результаты дает не искусственное противопоставление «народного» и «догматического» вариантов православия, а «реконструкция единства русской культуры при корректном выделении различных инвариантных уровней» (см: Цеханская, 2004, С.39, 219).

Другие ученые, например, А.А. Панченко, акцентируют внимание именно на специфике народных верований и религиозных практик, определяя само понятие народного православия «как историческую форму сознания, отличную и от архаической мифологии, и от догматического христианства» (Панченко, 1998, С.19). Т.А. Бернштам в связи с этим пишет, что употребление терминов «народное православие», «народное христианство» и даже «народное богословие» было зафиксировано в научной среде - не только светской, но и церковной - еще в XIX веке. Само же сельское духовенство, отмечает автор, несмотря на разное отношение к «особенностям православия окормляемой им паствы», вкладывало в эпитет

«народное» прежде всего «совокупность отклонений крестьян от православных догматов, церковных правил и норм поведения» (см.: Бернштам, 2002, С.252).

Учитывая существующие в литературе подходы к проблемам народного православия, рассмотрим некоторые вопросы, связанные с бытованием икон у сельского населения Сибири.

Известно, что с богословской точки зрения иконы являются важнейшим средством познания и общения с Богом, поскольку зрительные образы Спасителя, Богоматери и святых согласно православному учению служат посредниками между теми, кто изображен и теми, кто молится. Будучи своеобразным «окном» в мир иной (божественной или потусторонней) реальности икона, с точки зрения верующих, соединяет собой оба мира - земной и горний - в единое Творение.

Подобный взгляд на иконы парадоксальным образом сказался на отношении селян к такому предмету бытовой техники, как телевизор. Широко войдя в быт лишь при жизни представителей старшего поколения телевизор, выполняющий, по сути, ту же роль «проводника в иной мир», что и икона, воспринимается жителями села как предмет, наделенный до некоторой степени сакральными свойствами. Причастность его к сфере сакрального имеет при этом различную направленность в православии и старообрядчестве.

Так, сельские жители европейской части России еще в начале 1990-х годов, когда центральное телевидение стало транслировать православное богослужение на Пасху, «приспособились» освящать ритуальные растения и обрядовую еду перед телевизионным экраном, продолжая после этого хранить их в традиционном месте, за иконами. Размышляя над этим явлением, Е.Н. Разумовская, зафиксировавшая его у населения Тверской области, высказывает предположение, что «подсознание традиционного человека срабатывает здесь по двум направлениям». Во-первых, телевизор - это окно в другой, нереальный и сказочный мир, который ассоциируется «с

райской жизнью», где персонажи выглядят «неправдоподобно сытыми, нарядно одетыми и богатыми» по сравнению с жителями современной деревни. Во-вторых, малограмотная крестьянка воспринимает мелькающие на экране «живые картинки» не иначе, как необъяснимое чудо - изобретение, доступное разве что святому или даже Творцу. Отсюда и сознательный выбор места в крестьянском доме для телевизора - красный угол, где его так же, как иконы, «пеленуют» и украшают набожниками (Разумовская, 2002, С.244-245).

Прямо противоположное отношение к данному предмету бытовой техники было зафиксировано в ходе экспедиционного обследования группы старообрядцев часовенного согласия, проживающих в верховьях Малого Енисея (Каа-Хемский кожуун, Республика Тыва). Впервые появившись в здешних местах только на исходе второго тысячелетия от Рождества Христова, телевизор вызывает особенно нетерпимое отношение у «соборных», то есть, состоящих в «соборе» и соблюдающих все религиозные запреты и предписания членов общины. Более того, расположенный обычно в красном углу телевизор воспринимается ими не иначе как *«зверина икона»*, занявшая традиционное место расположения обычных икон - ср.: *«телевизора у меня никогда не было, мы телевизор запрещаем»*, *«телевизор - это зверина икона, его теперь вместо божественных икон ставят»* и т.п. (ПМА, 2004)

Следует отметить, что использование тех или иных технических новшеств нередко расценивается старообрядцами как непосредственный признак наступающих или уже наступивших «последних времен» - ср. характерное суждение: *«В нашей книге, Апокалипсисе, телевизор иконой звериной называется. Это значит, последние времена наступают. Зверина икона - это последнее пророчество. Как появится икона зверина, так*

последние времена наступят» (записано от Александры Анфилофьевны Житниковой, 1920 г.р., п. Эржей)¹.

В современной старообрядческой литературе, как было установлено новосибирскими археографами, достижения цивилизации также рассматриваются в качестве неопровержимого свидетельства наступления царства Антихриста. В Уральском толковом Апокалипсисе, старообрядческом сочинении, содержащем вариант современного толкования на Откровение Иоанна Богослова, к примеру, говорится, что Антихрист, придя к власти, также будет совершать чудеса, но чудеса эти расцениваются как ложные (или рукотворные), поскольку источником их будет не божественная сила, а сам человек. Наука для старообрядцев, подчеркивают Н.Н. Покровский и Н.Д. Зольникова, выступает, таким образом, как разновидность черной магии, которую христианская церковь всегда осуждала, а газеты, радио и телевизор («говорящая икона») относятся староверами к средствам чародейства и волхования, с помощью которых сатана развращает народ (см.: Покровский, Зольникова, 2002, С.419, 424).

Подобно другим атрибутам религиозного культа иконы в народно-религиозной практике относятся к предметам, наделенным определенными сакральными свойствами. Именно этим объясняется существующий в старообрядчестве запрет фотографировать иконы, лестовки, подручники «и прочее божество», поскольку в противном случае, как объясняют информаторы, указанные вещи *«молиться не будут»*, то есть, лишатся присущих им «божественных» качеств (ПМА, 2004).

Одним из подобных свойств считается способность икон «извещать» о грядущих несчастьях в жизни верующих. Так, проживающие в Туве старообрядцы до сих пор связывают наступление советской власти с предвещавшими это событие знаками беды - ср.: *«Когда советская власть наступала, у меня икона расщепилась. Она тогда еще чикать стала - тик,*

¹ К другим признакам наступающих «последних времен» представители данной группы старообрядцев относят «начертания» (штрихкоды, - Г.Л.) на продуктах питания, тайные «знаки» в новых паспортах, а также «карточки с числом зверя», в которых все без исключения видят «печать Антихриста» (см.: Любимова, 2004, С.54, 56).

тик. Медные иконы перед бедой обычно тенькают, протяжно так, например, перед войной» (записано от Евгении Васильевны Некрасовой, 1928 г.р., Сизим)².

Для православной среды в большей степени характерны представления о способности икон подавать верующим знаки с помощью не столько звуковых (акустических), сколько зрительных (визуальных) «средств общения» - таких, как «самообновление» и «мироточение». По словам матушки, супруги священника Свято-Духовского храма в Тальменке (Алтайский край), во время проходившего в 2004 г. через их райцентр крестного хода со знаменитой на Алтае Коробейниковской иконой Божьей Матери, местная икона Спасителя стала самообновляться и замироточила: *«слезы по ней стали течь и нимб вокруг головы воссиял»*. Событие это, широко обсуждавшееся в приходе, многими прихожанами было расценено как предупреждение о грядущей беде, подтверждением чего, по их мнению, явилось случившееся в тот год сильное наводнение. Сама же матушка убеждена в том, что подобными знаками *«Господь нас всех вразумляет - есть все-таки сила божественная!»* (ПМА, 2005).

Не останавливаясь на широко известных свойствах икон «являться» («обретаться») в святых местах, исцелять больных, тушить пожар, вызывать дождь или находить утопленников, не говоря уже о подробно описанном в литературе «участии» икон в хозяйственной жизни крестьянина-земледелца, отметим такое явление, как *антропоморфизация икон*. Суть его заключается в том, что единая Богородица зачастую по неграмотности воспринимается народом «как множество отдельных».

Некоторые исследователи (например, Т.А. Листова) отрицают существование указанного феномена, считая его лишь «подозрениями» ряда светских ученых и богословов, основанными на том факте, что каждая

² В повести писателя-старообрядца Афанасия Герасимова о Дубчесских скитах также говорится об «извещающих иконах» - ср.: *накануне разорения «в скиту иконы стали извещать, стали почкивать, пощелкивать. У старцев на сердце стало волнение, говорят, что-то иконы извещают... Каждый день пять-шесть раз целкнут иконы, особенно древние. Таких извещений в благополучное время не бывает... Бывает извещение к пожару и к переселению или еще к каким грустным случаям»* (см.: Покровский, 1991, С.93-94).

богородичная икона «олицетворяет (собой) особую милость». Другие же (к примеру, К.В. Цеханская) - более осторожно замечают, что сам факт утверждения «некоторой антропоморфизации икон» говорит о бытовании явления, «возможно не повсеместном, но, без сомнения, имеющем место» (см.: Цеханская, 2004, С.39). Многочисленные материалы о появлении новых традиций, когда верующие начинают приписывать разным типам икон Богородицы «не свойственные им ранее функции», а также «неизвестные случаи духовной помощи» (Там же), свидетельствуют, скорее, в пользу второй точки зрения. В качестве примера приведем фрагменты из перечня икон Божьей Матери, вывешенного в церковной лавке при храме святителя Николая Мирликийского в Ордынке (Новосибирская обл.). В числе «имеющих благодать исцелять болезни и подавать помощь в других нуждах» названы «Казанская» (в глазных болезнях), «Калужская» (от болезней ушей), «Троеручица» (в болезнях рук), «Черниговская» (от болезней ног), «Млекопитательница» (в недостатке материнского молока), «Неупиваемая чаша» (от пьянства), «Неопалимая Купина» (от пожара) и прочие иконы.

«Предназначение» иконы, как видим, нередко выводится непосредственно из ее названия, безотносительно к обстоятельствам чудотворения самой иконы и к особенностям жития Богородицы, образ которой при этом дробится и множится в сознании верующих. В целом, приведенные материалы, как представляется, подтверждают наличие особой специфики народно-христианских верований и практик.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 04-01-00469

ПРИМЕЧАНИЯ

Бернштам Т.А. Русские легенды о сотворении мира в аспекте народного богословия // Христианство в регионах мира. СПб, 2002.

Любимова Г.В. Старообрядцы-часовенные Верховьев Малого Енисея: традиции и новации // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири. Новосибирск, 2004.

Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб, 1998.

Покровский Н.Н. За страницей «Архипелага Гулаг» // Новый мир. - 1991. - № 9.

Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII - XX вв. Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002.

Разумовская Е.Н. «Господи, хозяин-батюшка полевой! Спаси нас и сохрани!» // Христианство в регионах мира. СПб, 2002.

Цеханская К.В. Иконопочитание в русской традиционной культуре. М., 2004.